

Дзапарова Елизавета Борисовна

**ПОЭЗИЯ А. С. ПУШКИНА НА ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ: О ВАРИАНТАХ ПЕРЕВОДА
СТИХОТВОРЕНИЯ "ЗИМНИЙ ВЕЧЕР"**

В данной статье на основе сравнительно-сопоставительного анализа нескольких вариантов перевода стихотворения А. С. Пушкина "Зимний вечер" на осетинский язык с оригиналом выявляется наиболее адекватный вариант. Автором рассматривается передача в переводах формальной и содержательной сторон пушкинского стихотворения. В ходе исследования устанавливаются способы достижения переводчиками адекватности художественно-эстетического воздействия как одного из важнейших критериев оценки поэтического перевода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 52-55. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'255.2/821.221.18

Филологические науки

В данной статье на основе сравнительно-сопоставительного анализа нескольких вариантов перевода стихотворения А. С. Пушкина «Зимний вечер» на осетинский язык с оригиналом выявляется наиболее адекватный вариант. Автором рассматривается передача в переводах формальной и содержательной сторон пушкинского стихотворения. В ходе исследования устанавливаются способы достижения переводчиками адекватности художественно-эстетического воздействия как одного из важнейших критериев оценки поэтического перевода.

Ключевые слова и фразы: переводной текст; адекватность; эквивалент; поэтический перевод; единица перевода; подлинник; аналог; образность.

Дзапарова Елизавета Борисовна, к. филол. н.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

Владикавказского научного центра Российской академии наук

и Правительства Республики Северная Осетия-Алания

l-dzaparova@mail.ru

**ПОЭЗИЯ А. С. ПУШКИНА НА ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ:
О ВАРИАНТАХ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ «ЗИМНИЙ ВЕЧЕР»[©]**

Творчество А. С. Пушкина плодотворно представлено на осетинском языке. Лирические, драматические произведения, проза писателя не раз становились предметом творческих изысканий осетинских переводчиков. Почти все хрестоматийные произведения великого русского поэта переведены на осетинский язык [1; 2]. Обращаясь к переводу произведений А. С. Пушкина, осетинские переводчики учились у него поэтическому мастерству, его неподражаемой творческой манере. «Чему я продолжаю учиться у Пушкина? Простоте и понятности языка, логической законченности произведений, широте диапазона, глубокой эмоциональности», – отмечал известный осетинский поэт Нигер (И. В. Джанаев) [5, с. 91].

Стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер» на осетинском языке существует в семи вариантах. К переводу пушкинского произведения обращались Нигер, Г. Кайтуков, Г. Плиев, М. Дзасохов, А. Бритаев, Т. Тетцоев, А. Кибиров¹. Каждый из осетинских переводчиков находил свои эквиваленты для отражения формальных и содержательных особенностей художественного текста-оригинала.

Цель нашего исследования – провести сравнительно-сопоставительный анализ пушкинского оригинала с несколькими вариантами переводного текста, существующими в рамках одной этнокультуры перевода.

В качестве материала исследования выступили оригинальный текст стихотворения «Зимний вечер» и его осетинские (иронские) переводы, выполненные Нигером, Г. Плиевым и М. Дзасоховым. Сличение разноязычных текстов позволит нам выявить адекватный оригиналу вариант.

Стихотворение А. С. Пушкина написано, как известно, в нелегкий для поэта период жизни. Нахождение под домашним арестом в Михайловском после возвращения из южной ссылки в 1824 году, предательство отца вызвали у поэта чувство безысходности и тоски. Именно в таком ключе и написан «Зимний вечер». Внутренний мир лирического героя раскрывается через внешние проявления стихии.

Стихотворение состоит из четырех хореических восьмистиший с перекрестной рифмой, логически и тематически разделенных на три части. В первой части перед нами природная стихия – снежная буря, во второй – описание ветхой лачужки, в третьей – обращение лирического героя «к подруге юности» – старушке. Произведение начинается с образного описания снежной бури:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалою
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит [6, с. 362].*

Перед глазами читателя зимняя стихия предстает как живое существо. Звуковое оформление стихотворения помогает читателю глубже понять одиночество и тоску лирического героя.

[©] Дзапарова Е. Б., 2015

¹ Стихотворение А. С. Пушкина «Зимнее утро» переводчиками Т. Тетцоевым и А. Кибировым переведено на дигорский диалект осетинского языка.

Обратимся к осетинским вариантам указанного отрывка:

У Нигера:

*Уад йæ фæлмæй арв æмбæрзы,
Митын тымгътаæ хæссы,
Куы сырдау ныннуы сонт уад
Куы, сывæллонау, кæуы,*

*Куы нæ хæррагъ царæмбæрзты
Хъæмпы ссыф-сыф кæны 'васт,
Йæ куы фæрссагъта ныххойы
'Нафоны бæлццонау, раст [4, с. 352].*

Созданный Пушкиным яркий образ зимней бури, как видим, детально передан осетинским переводчиком. Стремительное движение зимней стихии в переводе передается соответствующим оригиналу ритмом. Нахождение равноценных эквивалентов позволило Нигеру достичь адекватности художественно-эстетического воздействия как одного из важнейших критериев оценки поэтического перевода. Однако формальные признаки переводимого стиха Нигером не учтены. На протяжении всего стихотворения наблюдается обеднение рифмы: не рифмуются первая и третья строки. Восьмистишия А. С. Пушкина у Нигера разбиты на катрены.

В переводе Г. Плиева отрывок выглядит так:

*Тымыгъ тарæй арв æхгæны
Миттаæ здухгæйæ цауы:
Куы сырдау фыднуд ныккæны,
Куы сывæллонау кæуы.
Куы нæ зеронд цары сонтау
Хъæмпæй райхъуысы йæ уаст,
Куы анафоны бæлццонау
Рудзынг бахойы æваст [7, с. 32].*

Содержательная основа переводимого отрывка по сравнению с предыдущим примером Г. Плиевым, на наш взгляд, передана детальнее. Лексико-семантические средства перевода в значительной степени соответствуют лексико-семантическим средствам подлинника. Здесь мы наблюдаем симметричность в образной системе подлинника. Переданы не только сравнения звуков бури с воем зверя, плачем ребенка, стуком пушки в окно, но и кругообразность в движениях бури, что так явно подчеркивает в своем стихотворении Пушкин. Например: *Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя...* – *Тымыгъ тарæй арв æхгæны / Миттаæ здухгæйæ цауы...* Обращает на себя внимание сохранение в переводе Г. Плиева формальных признаков пушкинского стиха (восьмистишия, перекрестная рифма – абабаб, чередование женской и мужской рифм).

В переводе М. Дзасохова читаем:

*Уад йæ тарæй арв æмбæрзы,
Здухы митбырдæн мæстæй;
Ниуы куы сырдау, ныхъхъæрзы,
Сабийау ныккæуы стæй.
Куы нæ хъæмпын цары скафы,
Рамаерзы чындзау нæ карт,
Куы фæндаггонау анафон
Рудзынг бахойы фæсхæрд [8, с. 12].*

У М. Дзасохова наблюдается замена нейтральных единиц оригинала образными. Переводчик прибегает к национальному освоению оригинала вводом сравнительного оборота: *Рамаерзы чындзау нæ карт* (с осет. «подметет как невестка двор»).

В рассматриваемом отрывке пушкинского стихотворения переводчики столкнулись с передачей рефрена: «то... завоет», «то... заплачет», «то... зашумит», «то... застучит». Пушкин употребляет повторяющийся союз «то» и приставку «за», которые подчеркивают однообразность происходящего. В осетинских переводах Нигера и Плиева мы наблюдаем сохранение чередования союза «то» («куы») и игнорирование местами указанной приставки. У Нигера отмеченные переводимые единицы представлены следующим образом: «куы... ныннуы» («то... завоет»), «куы... кæуы» («то... плачет»), «куы... ссыф-сыф кæны» («то... зашелестит»), «куы... ныххойы» («то... застучит»). Как видим, Нигером в переводе в основном сохранена поэтическая форма оригинального стиха. Олицетворения в переводе, так же как и в оригинале, помогают читателю образно представить разыгрывающуюся снежную стихию. У Г. Плиева не в полной мере представлена синтаксическая конструкция оригинала: «куы... фыднуд ныккæны» («то... сильно завоет»), «куы... кæуы» («то... плачет»), «куы... райхъуысы йæ уаст» («то... раздается ее свист»), «куы... бахойы» («то... постучит»). Как видим, в некоторых глаголах отсутствует приставка «за» («ны»), обозначающая начало действия.

Не удалось сохранить в переводах и инверсию, встречающуюся в строках А. С. Пушкина: «по кровле обветшалой», «путник запоздалый». В осетинских переводах указанные единицы выглядят так: «хæррагъ

царæмбæрзты» – «ветхая кровля» (с осет.), «*’нафоны бæлццон*» – «поздний путник» (Нигер); «*зæронд цар*» – «старый потолок», «*æнафоны бæлццон*» – «поздний путник» (Г. Плиев); «*хъæмпын цар*» – «соломенный потолок», «*фæндаггону æнафон...*» – «как дорожный путник поздно...» (М. Дзасохов).

Во второй строфе стихотворения А. С. Пушкина появляется антипод снежной бури – ветхая лачужка. Благодаря точно подобранным поэтом эпитетам она кажется читателю ничтожно маленькой:

*Наша ветхая лачужка
И печальна и темна* [6, с. 363].

В осетинских переводах описание лачужки представлено по-разному.
У Нигера:

*У нæ рагон хæдзар махæн /
Талынг, саудалынг, маердхуыз* [4, с. 352].

Подстрочный перевод:

Наш старый дом /
Темный, мрачный, как мертвец.

В переводе передан не весь образный ряд переводимого стиха, исчез эпитет «*печальна*», замененный синонимичными образными выражениями «*темный*», «*мрачный*».

И. М. Дзасохов в своей статье «К вопросу о художественных переводах в осетинской литературе» о переводе Нигером рассматриваемого нами отрывка пишет: «В этом четверостишии обращает на себя внимание перевод слова “лачужка”. В осетинском языке нет соответствующего понятия. Но за счет ввода эпитета “древний” слово “дом”, которое употреблено в переводе, приобретает определенную экспрессивную окраску. Ведь со словом “древний” по отношению к строению, постройке всегда ассоциируется что-то замшелое, обветшалое, полуразрушенное. Обратимся ко второй строке. Если у Пушкина “И печальна, и темна”, то в переводе появляется “темен, мрачен, как мертвый” (т.е. имеется в виду дом). Эти введенные Нигером в перевод эпитеты создают ассоциацию со склепом. А что может лучше выразить состояние, чувства двух затерянных в глуши, в темени и бури людей? И нам кажется, что это нагнетание образных средств вполне уместно...» [3, с. 116-117].

Перевод Плиева близок к оригиналу и демонстрирует его языковую и образную структуру, но и здесь переводчик немного отходит от исходного текста. В переводе указанного отрывка Плиев использует глагол повелительного наклонения: «*Мах фæлахс хæдзармæ акæс...*» (с осет. «На наш изношенный дом посмотри»), которого нет в подлиннике. Переводчик также усиливает впечатление осетиноязычного реципиента за счет ввода дополнительного эпитета – «*магуыр*» («бедный»):

*Мах фæлахс хæдзармæ акæс:
Талынг у, æнкъард, магуыр* [7, с. 32]...

Приведем примеры переводческих находок Дзасохова: «*У нæ талынг къæс æрхуымай / Дзаг – æрцарди дзы æнкъард...*» (с осет. «Наша темная лачужка грустью / полна – прижилась там печаль»). Пословный перевод на русский язык убеждает нас в том, что переводчику удалось донести лексико-семантические особенности пушкинского отрывка. В переводном тексте М. Дзасохова совпадает словарный состав оригинала, но в некоторых сегментах переводчик меняет смысловые акценты. У Дзасохова лачужка темная, в то время как Пушкин, прежде всего, характеризует ее как ветхую.

Трехкратное обращение лирического героя к своему собеседнику всякий раз меняется и становится нежнее: «*моя старушка*», «*мой друг*», «*добрая подружка*». Для этого автор стихотворения использует уменьшительно-ласкательный суффикс *-уик-* («старушка»).

В переводе Нигера указанные единицы выглядят так: «*мæ зæронд*», «*мæ лымæн*», «*мæ рагбонты лымæн*»; у Плиева: «*зæронд нана*», «*мæ хур*», «*адджындæр магуыр лымæн*»; у Дзасохова: «*мæхи нана*», «*магуыр æвзонг азты, уыыл адджындæр лымæн*». Как видим, каждый из переводчиков находит в переводящем языке соответствия переводимым лексическим единицам оригинала. Переводчик Плиев, на наш взгляд, более близок к подлиннику в смысловом плане. Автор перевода подобрал подходящие ласкательные формы обращения: «*нана*» (с осет. «бабушка», «старая женщина»), «*мæ хур*» («мое солнце»), «*адджындæр магуыр лымæн*» («дорогая бедная подруга»). Только в последнем примере переводчик немного переусердствовал при использовании эпитета «*бедная*». Ведь у Пушкина совсем не о бедной подруге идет речь!

Лирический герой, чья душа сметена жизненными перипетиями, хочет обрести гармонию в спокойствии няни. И поэтому просит спеть ее, как в детстве, душевную песню, способную развеять его тоску. Приведем соответствующий отрывок из пушкинского текста:

*Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла* [6, с. 363].

Осетиноязычные варианты указанного отрывка выглядят так:

*Зар мын. Азар, фурды фале
Сабыр дзывылдар куыд цард,
Зар мын. Азар, чызг, чындздзон чызг
Донмæ райсомæй куыд уад* (Нигер) [4, с. 352]...

*Зар мын, денджызæн йæ фæстæ
Дзывылдар куыд цард æнцæд,
Азар мын, æхсæвы цæстæй
Донмæ саурусугъд куыд уад* (Г. Плиев) [7, с. 32].

*Азар-ма мын дзывылдары
Зарæг, уый фæсфурд куыд цард,
Ноджы буц чызгайы зарæг,
Донмæ райсомæй куыд уад* (М. Дзасохов) [8, с. 12].

Как видим, переводчики отразили семантическую, образную структуру переводимого фрагмента, нашли в основном близкие по смыслу и образности эквиваленты. Для передачи лексемы «девица» каждый из них в словаре переводящего языка нашел соответствие единице перевода: «чызг, чындздзон чызг» (Нигер), «саурусугъд» (Г. Плиев), «буц чызгай» (М. Дзасохов). Пословный перевод с осетинского языка указанных лексем – «девушка, девушка на выданье», «красавица», «изнеженная девушка» – свидетельствует о стремлении переводчиков найти оптимальные решения перевода. Но если перевод Нигера точно воспроизводит семантику слова оригинала (девица – незамужняя женщина, женщина юного возраста, девушка), то неоднократное употребление слова «девушка» («чызг, чындздзон чызг» – «девушка, девушка на выданье») утяжеляет переводной текст. Здесь, как нам кажется, вариант перевода, предложенный Г. Плиевым, более выразителен и лучше вписывается в контекст.

Стихотворение А. С. Пушкина заканчивается так, как и начиналось. В некоторых переводах своеобразное обрамление не сохранено. Например, М. Дзасохов находит совсем другие строки. Сравним начало и конец стихотворения в его переводе:

*Уад йæ тарæй арв æмбарзы,
Здухы митбырдаен мæстæй;
Ниуы куы сырдау, ныхъхъарзы,
Сабийау ныккæуы стæй.*

*Нал аусерды уад йæхиуыл:
Здухы митбырдаен мæстæй;
Куы хъæддаг сырдау нынниуы,
Сабийау ныккæуы стæй* [Там же].

Таким образом, проведя сравнительно-сопоставительный анализ трех вариантов перевода на осетинский язык стихотворения А. С. Пушкина «Зимний вечер» с оригиналом, мы можем сказать, что каждый из переводчиков представил свое истолкование исходного текста, свои возможности для воспроизведения идейно-тематического содержания подлинника. Им удалось частично воспроизвести на осетинском языке ритмико-мелодическую и композиционно-структурную сторону оригинала. Благодаря переводчикам стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер» стало доступно и осетиноязычному читателю.

Список литературы

1. Дзапарова Е. Б. Автоперевод как вид художественного перевода в осетинской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. С. 65-69.
2. Дзапарова Е. Б. Художественный перевод повести А. С. Пушкина «Дубровский»: проблема передачи национального колорита // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014. Т. 12. № 12. С. 217-228.
3. Дзахов И. М. К вопросу о художественных переводах в осетинской литературе (Нигер – переводчик Пушкина) // Вопросы осетинского литературоведения. Орджоникидзе, 1978. Т. 33. С. 104-117.
4. Нигер. Полн. собр. соч.: в 3-х т. Орджоникидзе, 1966. Т. 1. 683 с.
5. Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967. 420 с.
6. Пушкин А. С. Зимний вечер // Пушкин А. С. Соч.: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. С. 362-363.
7. Пушкин А. С. Зымæгон изæр / пер. Г. Плиева // Пушкин А. С. Уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1987. Ф. 32-33.
8. Пушкин А. С. Зымæгон изæр / пер. на осет. яз. М. Дзасохова // Мах дуг (Наша эпоха). 1999. № 6.

POETRY BY A. S. PUSHKIN IN THE OSSETIAN LANGUAGE: ON VARIANTS OF TRANSLATION OF THE POEM “WINTER EVENING”

Dzaparova Elizaveta Borisovna, Ph. D. in Philology
North Ossetian Institute of Humanitarian and Society Studies
of Vladikavkaz Science Center and of the Government of the Republic of North Ossetia - Alania
l-dzaparova@mail.ru

In the article based on the comparative analysis of several variants of the translation of A. S. Pushkin's poem “Winter evening” into the Ossetian language with the original the author reveals the more suitable variant. The author examines the transfer of the formal and content sides of Pushkin's poem in translations. As a part of the study the means of achieving adequacy of artistic and esthetic impact as one of the most significant criterion of evaluation of poetic translation are established.

Key words and phrases: translated text; adequacy; equivalent; poetic translation; translation unit; original; analog; imagery.